

На правах рукописи

МАГДАЛИНСКАЯ Екатерина Николаевна

**СИТУАТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА**

(на материале современных русского и польского языков)

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Калининград

2015

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

- Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ваулина Светлана Сергеевна
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Шигуров Виктор Васильевич (ФГБОУ ВПО
«Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва», зав. кафедрой русского
языка)
- кандидат филологических наук, доцент
Шлык Елена Владимировна (ФГБОУ ВПО
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского», доцент
кафедры иностранных языков)
- Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

Защита состоится 24 апреля 2015 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56-а, ауд. 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте <http://www.kantiana.ru/postgraduate/dis-list/145873/> Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Автореферат разослан ____ марта 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.С. Потемина

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию особенностей функционирования ситуативной модальности как полевой структуры в современных русском и польском языках.

Модальность, «понятие сложное и многоплановое, включающее различные модальные характеристики» [Золотова 1973: 140], является объектом не ослабевающего интереса исследователей, особенно возросшего в последние десятилетия в связи с утвердившимся в языкознании функциональным подходом. Данный подход «имеет возможность интегрировать в единой системе те языковые средства, которые в традиционной грамматике оказываются разделенными в зависимости от их принадлежности к той или иной формальной подсистеме» [ТФГ 1990: 290], что позволяет в полной мере охватить многообразные средства выражения определенной функционально-семантической категории, и в частности, категории модальности.

При этом статус модальности как одной из универсальных семантических категорий, «в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» [Виноградов 1975: 57], обуславливает особую значимость ее изучения в сопоставительном аспекте [см., например: Roszko 1993; Besters-Dilger 1997; Włodarczyk 1998; Попова 2000; Hansen 2001; Базалина 2001; Maldžieva 2003; Демидова 2005; Шлык 2006; Ваулина 2007; Лопатюк 2009; Matulewska 2009; Palásti 2009; Выдрин 2011; Nowak 2011; Коковина 2013; Толстая 2013 и др.]. Обобщение системы языковых средств, получающих регулярное выражение в различных языках, «позволяет дать типологическую характеристику их строя, т.е. показать наиболее важные явления всех языков (универсалии), а на их фоне – специфические для языковых групп черты» [Райхштейн 1980: 6]. Для родственных языков (в данном случае русского и польского), «характеризующихся значительной мерой общности в структуре анализируемых полей и ситуаций» [ТФГ 1990: 296], сопоставление имеет важное значение также для установления исторических языковых связей. Кроме того, рассмотрение категории модальности в сопоставительном аспекте является перспективным ввиду значительной интенсификации межкультурных взаимодействий в современном мире и расширения коммуникативных связей, ведь «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем» [Гумбольдт 1985: 349].

Однако следует отметить, что до сих пор в вопросе исследования модальности в сопоставительном аспекте на материале славянских языков остается еще много неизученного и дискуссионного, при этом количество работ, посвященных изучению модальности именно в русском и польском языках, сравнительно невелико и в них представлены либо общие наблюдения об особенностях реализации категории модальности [Birkenmaier 1981; Koseska-Toszewa 1981; Besters-Dilger 1997; Hansen 2001, 1998], либо содержится фрагментарный анализ отдельных модальных значений и средств их выражения [Аскоченская 1971, 1998; Рыболовлев 1989; Chojnacka 1999; Будняк 2004; Rakoczy 1978; Czapiga 2005; Puk 2005, 2007, 2010; Hansen 2004], либо рассматривается вопрос об эквивалентности средств выражения модальных зна-

чений в переводах художественных произведений [Ваулина 2004, 2007; Толстая 2013].

Вышесказанным определяется **актуальность** настоящего диссертационного исследования, **объектом** которого послужила функционально-семантическая категория модальности, а непосредственным **предметом** анализа явилось исследование особенностей функционирования одного из основных структурно-содержательных компонентов данной категории – ситуативной модальности – в современных русском и польском языках.

Целью диссертационной работы является рассмотрение специфики реализации значений функционально-семантического поля ситуативной модальности, образуемого микрополями возможности, необходимости и желательности, в современных разножанровых текстах русского и польского языков, достижение которой обеспечивается выполнением следующих конкретных задач:

- установить семантический объем микрополей ситуативной модальности;
- определить конституентный состав плана выражения микрополей ситуативной модальности в исследуемых языках;
- выявить центральные и периферийные конституенты микрополей;
- установить типологические черты в плане выражения модальных значений возможности, необходимости и желательности в исследуемых языках и выявить их внутриязыковые особенности;
- определить специфику реализации экспликаторов рассматриваемых модальных значений в текстах различной функционально-стилистической принадлежности.

Выполнению указанных задач послужила комплексная **методика** анализа, включающая методы описательного, контекстуального, функционально-семантического и сопоставительного анализа, а также приемы функционально-стилистического сопоставления и количественных подсчетов.

Теоретическую базу исследования составили положения по теории модальности [Виноградов 1975; Балли 1955; Золотова 1962, 1973; Бондарко 1971; Рытель 1982; Ваулина 1988; Зеленщиков 1997; Павловская 2001 и др.], по теории функциональной и коммуникативной грамматики [Бондарко 1983, 1984; Гак 1985; Золотова 1982, 2004 и др.], а также по теории сопоставительного анализа [Будагов 1980; Гак 1979; Широкова 1978, 1983; Манакин 2004 и др.].

Материалом для анализа послужили 5000 предложений-высказываний со средствами выражения ситуативной модальности (значений возможности, необходимости и желательности), полученных методом сплошной выборки из современных газетно-публицистических, научных и официально-деловых текстов русского и польского языков. При этом к анализу мы сознательно не привлекаем художественные тексты, поскольку реализующиеся в них модальные значения, в том числе значения ситуативной модальности, концентрируются вокруг авторской модальности, в значительной степени теряя в этом случае свою пропозициональную функцию – сообщение о «положении

дел» с точки зрения возможности, необходимости или желательности их осуществления.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые на основе принципов функциональной грамматики проведен комплексный анализ экспликаторов микрополей функционально-семантического поля ситуативной модальности как структурно-содержательного фрагмента макрополя пропозициональной модальности в русском и польском языках на материале современных разножанровых письменных источников, установлены закономерности и внутриязыковая специфика употребления конstituентов микрополей с учетом их функционально-стилистической принадлежности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что ее материал, наблюдения и выводы вносят определенный вклад в дальнейшую разработку теории модальности как функционально-семантической категории, имеющей полевую структуру, а также расширяют сведения о модальности, с одной стороны, подтверждающие ее универсальный характер, а, с другой стороны, свидетельствующие о внутриязыковой, национальной специфике средств ее выражения в родственных славянских языках.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его основных положений, материалов и выводов в курсах по функциональной и коммуникативной грамматике русского и польского языков, в спецкурсах по языковой модальности, на практических занятиях по русскому языку как иностранному, а также в переводческой и лексикографической практике.

Апробация работы. Основные результаты диссертации обсуждались на кафедре исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения БФУ им. И. Канта, были представлены в докладах на межвузовских научно-практических конференциях «Язык – образование – культура – общество: от идеи к реализации» (Москва, 2010) и «Современные теории и методы обучения иностранным языкам в ВУЗе» (Москва, 2013), на нескольких международных научных конференциях: XIV международной научной славянской конференции «Польско-восточнославянские культурные, литературные и языковые контрасты: факты, стереотипы, мифы» (Ольштын, 2011), международной научно-практической конференции «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 2012), международной научной конференции «Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: научные теории и социальная практика» (Калининград, 2012), XXIX международной научной конференции «Research Journal of International Studies» (Екатеринбург, 2014), а также отражены в четырнадцати публикациях.

В соответствии с поставленной целью в качестве основных **положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы, на защиту выносятся следующие:

1. Языковая модальность, выполняя сложную задачу установления многоаспектной связи между языком и внеязыковой действительностью, основу которой составляют пропозициональная (номинативная) и коммуникативная

(прагматическая) функции, характеризуется не меньшей сложностью своей содержательной структуры, выступающей в виде функционально-семантического макрополя с входящими в него полями и микрополями.

2. Ситуативная модальность как важный структурно-содержательный компонент пропозициональной модальности, раскрывающий через отношения между субъектом действия и действием конкретный характер связи высказывания с внеязыковой действительностью относительно «положения дел» с точки зрения наличия или отсутствия ситуации возможности, необходимости, желательности сообщаемого действия, выступает как функционально-семантическая полевая структура, образуемая соответствующими микрополями.

3. В силу универсальности категории модальности и близкородственности русского и польского языков план выражения ситуативной модальности в рассматриваемых языках имеет типологическую основу, что отчетливо проявляется как в составе модальных конститuentов, так и в их структурно-функциональной иерархии.

4. Типологическая общность русского и польского языков, свидетельствующая об их генетическом родстве, не исключает внутриязыковых особенностей в выражении значений возможности, необходимости и желательности, обусловленных национальной спецификой в становлении и эволюции рассматриваемых языков, что, в частности, проявляется в составе периферийных компонентов микрополей и достаточно отчетливо отражается в функционально-стилистической сфере их употребления.

5. Важным структурным признаком функционально-семантического поля ситуативной модальности является проницаемость его микрополей, что достаточно наглядно проявляется в случаях совмещения отдельных модальных значений и функциональных «переливов» средств их выражения в рассматриваемых микрополях как русского, так и польского языков.

Цель и задачи исследования определили **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей список использованной научной литературы, список словарей и энциклопедических изданий, указатель источников, а также четырнадцати приложений, иллюстрирующих результаты исследования.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность диссертации, указываются объект, предмет, цель и задачи работы, характеризуется материал и методы его анализа, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные о его апробации, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Категория модальности в различных лингвистических парадигмах»**, состоящей из шести параграфов, содержится обзор теоретических вопросов, непосредственно относящихся к теме данного исследования, излагаются основные теоретические позиции автора.

В *первом параграфе* приводятся основные принципы квалификации модальности с точки зрения так называемого узкого и широкого подходов к пониманию ее содержательного объема.

Сравнительно немногочисленные сторонники узкого подхода к пониманию модальности (В.З. Панфилов, Г.В. Колшанский, Т.И. Дешериева, С.И. Небыкова, Е.А. Зверева, М.К. Сабанеева, В.Н. Бондаренко, И.И. Гребенкина, Н.Д. Рыболовлев, П.В.Чесноков, К.М. Галкина-Федорук, О.В. Трунова, К. Sommerfeldt и др.) соотносят языковую модальность с логической модальностью, ограничивая ее значениями действительности, возможности и необходимости. Большинство же исследователей модальности, и особенно представители отечественного языкознания, полагают, что логическая квалификация модальности не охватывает всей широты ее семантического объема как языковой категории, включающего не только значения действительности, возможности и необходимости, но и желательности, реальности/ирреальности, волеизъявления, эмоциональности, оценки, утверждения/отрицания, вопроса/ответа и др. При этом перед специалистами встает важная задача разграничения многообразных и зачастую функционально разнородных модальных значений, установления их структурно-содержательной иерархии на основе общего методологического подхода к изучению языковых фактов. Таким подходом в современном языкознании признан функциональный подход, основные аспекты которого применительно к исследованию модальности кратко рассматриваются нами во *втором параграфе*.

Категория модальности с точки зрения функционального подхода исследовалась и исследуется многими лингвистами [Бондарко 1971, 1990; Гехтляр 1975, 1996; Беляева 1985; Ваулина 1988, 1991, 1993; Зайнуллин 1986; Эслон 1987; Макарова 1989; Ляпон 1990; Зеленщиков 1997; Шершнева 2000; Павловская 2001; Пляскина 2001; Чибук 2004; Кошева 2006; Новоженова 2008; Сагалова 2009; Устинов 2009; Алиева 2010; Шевцова 2011 и др.]. Данный подход позволяет изучать модальность как функционально-семантическую категорию, представляющую собой полевую группировку «разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории» [Бондарко 2002: 289].

Вслед за С.С. Ваулиной и другими исследователями, мы рассматриваем модальность как широкую семантическую категорию, состоящую из двух содержательно разнородных модальных пластов: пропозициональной и прагматической модальности [Ваулина 1993: 13-17]. При этом пропозициональная модальность выступает как макрополе, включающее в себя функционально-семантическое поле интересующей нас ситуативной модальности, которая, в свою очередь, состоит из микрополей возможности, необходимости, желательности.

В *третьем параграфе* обсуждается вопрос о терминологическом обозначении и семантическом объеме ситуативной модальности.

Указанный тип модальности встречается в научной литературе под разными терминами (предметная модальность, внутрисинтаксическая модаль-

ность, субъектная модальность и др.). Наиболее адекватным среди них нам представляется получивший в последние годы широкую популярность термин «ситуативная модальность», поскольку он позволяет акцентировать внимание на обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности. Именно поэтому мы используем его в своей работе.

В параграфе также характеризуется состав частных значений, образующих план содержания микрополей возможности, необходимости и желательности.

В *четвертом параграфе* с учетом того, «что доступным наблюдению язык является в форме текста» [Hartmann 1972: 1], рассматриваются некоторые вопросы модальности как текстовой категории, «функциональная предназначенность которой состоит в обеспечении единства и целостности текста как системы» [Романова 2003: 22]. В частности, подчеркивается, что состав средств выражения модальности и специфика их реализации в языке непосредственно связаны с функционально-стилистическими особенностями текстов.

Пятый параграф посвящен проблематике функциональных стилей, дается краткий обзор основных параметров публицистического (газетно-публицистического), научного и официально-делового стилей.

В своей работе мы придерживаемся позиции тех исследователей, которые не рассматривают художественный стиль речи в общей системе стилей «в связи с присущим ему своеобразием» [Розенталь 1977: 23]. Принцип отбора и организация языковых средств в художественном произведении, как отмечает А.В. Федоров, зависят от общих идейно-художественных воззрений писателя, от идейного замысла произведения, его литературного жанра, они органически связаны «с содержанием произведения и часто отличаются огромной сложностью» [Федоров 2002: 38]. В этом смысле художественный стиль не стоит в одном ряду с функциональными стилями, которые в первую очередь выполняют «практическую функцию языка, функцию передачи информации, функцию общения» [Горшков 2006: 319].

В *шестом параграфе* рассматриваются основные аспекты сопоставительных исследований. Сопоставительное изучение языков традиционно является актуальным направлением в современном языкознании, поскольку, как отмечает Р.А. Будагов, именно оно дает возможность тщательно изучить особенности каждого национального языка, осмысляя при этом и «универсальные тенденции, свойственные данному языку или данным языкам» [Будагов 1980: 4]. Как полагает А.Г. Широкова, «при сопоставительном описании генетически родственных языков изучение функционального плана совершенно необходимо, так как в этих случаях наибольшее число различий представлено именно на уровне функционирования» [Широкова 1998: 20]. Сопоставительный анализ способствует установлению эквивалентных элементов различных языковых систем, предоставляет широкие возможности для выявления тех особенностей функционирования модальных экспликаторов, которые остаются незамеченными при обособленном изучении языков, позволяя определить их сходство и выявить причины расхождений между ними.

Во второй главе «Функционально-семантическое поле ситуативной модальности в современном русском языке», состоящей из трех параграфов, содержится анализ конstituентов микрополей возможности, необходимости и желательности, входящих в данное поле. В главе устанавливается иерархия средств выражения указанных микрополей, имеющих трехчленную структуру (центр, ближняя и дальняя периферии), описываются особенности реализации конstituентов с учетом их функционально-стилистической специфики.

В *первом параграфе* рассматривается микрополе возможности, центр которого формируют собственно модальные модификаторы: глагол *мочь* и предикативы *можно, нельзя* в сочетании с зависимым инфинитивом.

Доминантой центральной зоны микрополя возможности является глагол *мочь*, который, характеризуясь емкостью и прозрачностью модальной семантики, стилистической немаркированностью, высокой частотностью функционирования, реализует все частные значения возможности:

– ‘(не) иметь возможность выполнить действие’: «Перевод – необычайно сложное искусство, но именно в этом случае *носитель* иного языка и иной культуры *может* в идеальной форме *получить* то, что переводимый поэт хотел выразить в произведении» (Аста 12, с. 178); «И если он [Сердюков. – Е.М.] сам непричастен к аферам, которые крутили его подчиненные, *отговориться* незнанием *он не может* ни в каком варианте» (КП, 06.10.2012);

– ‘(не) иметь право выполнить действие’: «*Вскрыть* “тайник” *сотрудники* правоохранительных органов *могут* только после получения соответствующей санкции» (КП, 28.01.2010); «Оператором лотереи *не может выступать* юридическое *лицо*, руководителем, членами коллегиального исполнительного органа или главным бухгалтером которого являются лица, имеющие судимость за преступления в сфере экономики» (РГ, 30.12.2013);

– ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’: «В молодости *Мятлев, утверждая свое достоинство, мог* бесцеремонно *посягать* на честь других» (Аста 13, с. 158); «*Из-за повреждения* лодыжки *я не мог играть* как минимум на протяжении месяца» (РГ, 16.11.12);

– ‘(не) иметь способность выполнить действие’: «Мы теряем рабочий класс, тех *людей*, которые *руками могут делать* необходимые вещи для машиностроения» (КП, 28.01.2010); «*Камера* такие махинации *распознать не может*, а вот человек определяет такое вмешательство запросто» (АиФ, 22.10.2013).

Видовой коррелят глагола *мочь* – *смочь*, выступая в форме прошедшего времени, указывает на то, что действие было не только возможным, но и на самом деле осуществилось, то есть данный глагол имеет в своем значении оттенок попытки и результативности. Ср.: «Два года назад *он* поборол смертельную болезнь и *смог вернуться* в большой спорт» (РГ, 08.05.2013). При употреблении данного глагола в будущем времени он приобретает дополнительный оттенок возможности – ‘возможность, осуществление которой в будущем не вызывает сомнений’. Например: «Для удобства организаторов Департамент региональной безопасности планирует открыть сайт, где *желаю-*

щие смогут разместить заявку на мероприятие и прийти на площадку в указанное время» (АиФ, 28.08.2012).

Предикативы *можно/нельзя*, реализуясь в безличных предложениях, характеризующихся отстраненностью субъекта действия от действия, актуализируют частные значения объективной возможности '(не) иметь возможность выполнить действие' и '(не) иметь право выполнить действие': «Полезную информацию *можно почерпнуть* только в двух открытых письмах» (АиФ, 21.01.2010); «Приведенный перечень значений слова 'жизнь' *нельзя считать* исчерпывающим, в схеме отражены факты, доступные нам на данной стадии исследования» (Аста 12, с.227); «Субсидию *можно потратить* только на новую машину, выпущенную в России» (АиФ, 21.01.2010); «Прямо в аэропорту нам выдали список из 11 пунктов: что *нельзя делать* в этой стране» (РГ, 25.08.2011).

Ближнюю периферию микрополя возможности формируют лексические и грамматические экспликативы, модальной спецификой которых является, как правило, актуализация определенного частного значения возможности. К лексическим экспликативам относятся модальные глаголы *уметь/суметь, удаваться/удаться*, модальные предикативы *возможно, невозможно, вправе, разрешено, запрещено*, предикативные наречия *трудно, тяжело, сложно, легко, просто*, глагольно-именные сочетания *быть в состоянии, быть в силах*, а также глагольно-именные сочетания с лексемами *возможность, право*, прилагательные *способен, готов*. К грамматическим средствам выражения значения возможности мы относим отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, в лексическом значении которых содержится сема возможности (*понять, достичь, выдержать* и под.), инфинитивные предложения, риторический вопрос, сложноподчиненные предложения цели.

Дальнюю периферию микрополя возможности образуют преимущественно лексические экспликативы, к которым относим модальные глаголы *осмелиться, отважиться, посметь, решиться, рискнуть, дерзнуть, позволить/позволить, допускать*, глагольно-именные сочетания с лексемами *шанс, полномочия, основание, ум, разум, талант, воля*, глагольно-именные обороты с устойчивым сочетанием *сила воли*, отрицательные местоимения *ничего, некого*, местоименные наречия *некуда, негде, некогда*. Данные экспликативы характеризуются актуализацией конкретного частного модального значения возможности, низкой частотностью и употребляются в текстах определенных функциональных стилей. В функции грамматических конstituентов дальнейшей периферии микрополя возможности нами зафиксированы немногочисленные примеры употреблений побудительных конструкций в газетно-публицистических текстах.

Второй параграф посвящен рассмотрению микрополя необходимости, центральную зону которого формируют модальные модификаторы – прилагательное *должен*, предикативы *надо* и *нужно*.

Прилагательное *должен* зафиксировано преимущественно при реализации модального значения общего долженствования в газетно-публицистических и научных текстах. Ср.: «Что мы *должны* сказать детям: какими они *должны*

быть, если хотят добиться успеха в жизни?» (АиФ, 27.01.2010); «Дело в том, что социокультурные *институты*, с одной стороны, *должны обладать* стабильностью, а с другой – определенной степенью гибкости» (Аста 10, с.30).

Достаточно регулярно данный модификатор употребляется в официально-деловых документах при актуализации значения долженствования, связанного с обязательностью выполнения общепринятых законов юридического характера. Ср.: «Если несовершеннолетний состоял или состоит на учете в психоневрологическом диспансере либо материалы в отношении его рассматривались комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, *суд должен* при наличии к тому оснований *решить* вопрос об их явке» (РГ, 11.02.2011); «*Суды не должны назначать* уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия» (РГ, 11.02.2011).

Предикативные наречия *надо, нужно* реализуют частное значение необходимости 'иметь потребность в выполнении действия' и наиболее регулярно используются в газетно-публицистических текстах, реже, – в научных текстах. Ср.: «Хотя и остаются некоторые проблемы в связи с тем, как *нужно концептуализировать* язык и репрезентации, сама теория начинается с языкового опыта первого порядка» (ВЯ № 6, с. 138); «В большом городе *не нужно* быть физически сильным» (КП, 28.01.2010); «Здесь *надо* сразу *сказать*, что автор придает большое значение определению границ науки» (ВЯ № 4, с. 110); «Далеко за примером *ходить не надо*: пошли в январе мировые цены на нефть вниз – и вот и нас опять доллар дороже 30 рублей» (КП, 28.01.2010).

Ближнюю периферию микрополя необходимости образует широкий набор лексических и грамматических конstituентов. К лексическим экспликаторам относятся модальные безличные глаголы *следует, стоит, надлежит, требуется, приходится*, предикативное наречие *необходимо*, прилагательное *необходимый*, краткие отричастные прилагательные *обязан, вынужден*, глагольно-именные сочетания с лексемами *необходимость, обязанность, потребность*. К грамматическим средствам выражения значения необходимости мы относим инфинитивные предложения и конструкции с двойным отрицанием.

Дальнюю периферию рассматриваемого микрополя составляет достаточно разнообразный набор лексических средств выражения значения необходимости: безличные глаголы *рекомендуется, предстоит, годится*, предикативное наречие *целесообразно*, адвербиализованные существительные *время, пора*, отрицательные местоимения *не к чему, нечего*, местоименное наречие *незачем*, глагольно-именные сочетания с существительными *смысл, долг*, особенностью которых является их реализация в текстах определенных функциональных стилей и актуализация отдельных частных значений необходимости, порой осложненных эмоциональным компонентом.

В *третьем параграфе* рассматривается микрополе желательности, центральную зону которого образуют модальный глагол *хотеть*, его префиксальный дериват *захотеть* и безличные формы *хочется / хотелось, захочется / захотелось*.

Характеризуясь стилистической нейтральностью, прозрачностью и емкостью модальной семантики, глагол *хотеть* имеет широкое употребление в газетно-публицистических и научных текстах, реализуя все частные значения желательности:

– ‘иметь желание выполнить действие’: «Как правило, *гражданин хочет получить* ответ на свой вопрос „здесь и сейчас”» (АиФ, 12.04.2013); «В любом художественном произведении большого писателя, – отмечал Рубен Будагов, – важно и что *он хочет выразить*, и как *он хочет выразить*» (Аста 12, с. 189);

– ‘иметь стремление выполнить действие’: «Есть новое *поколение*, которое *очень хочет стать* лучше себя» (АиФ, 11.02.2010);

– ‘иметь намерение выполнить действие’: «Спустя 50 лет *калининградка хочет отказаться* от приемной дочери» (КП, 19.03.2014); «Однако переживание полноты бытия, отсутствие полноты жизни, юмора резко отличают утопию от сказки: *сказка хочет обуздать* зло, утопия – искоренить» (Аста 13, с.299);

– ‘пытаться выполнить действие’: «В прошлом году я поменял права категории „В” и „С”, в этом году истек срок других водительских удостоверений. *Я хотел их поменять*, а у меня их отобрали» (РГ, 30.07.2009); «Когда вышла на старт, все марафонцы-полярники были шокированы моим видом, а *организаторы хотели снять* с дистанции, но потом махнули рукой: „А, пусть бежит, раз такая сумасшедшая!”» (АиФ, 21.09.2011).

При употреблении глагола *хотеть* с отрицанием дифференциация частных значений желательности нейтрализуется, и реализацию в этом случае получает обобщенное значение ‘не иметь желания выполнить действие’. Ср.: «Многие *мужчины* так озабочены повышением качества жизни, что уже *не хотят жениться* и брать ответственность за семью» (КП, 04.02.2010); «*Они не хотели верить* и думали, что где-то скрытая камера, что это контрольная закупка или что-то в этом роде» (КП, 03.10.2010).

Модальное значение префиксального деривата глагола *хотеть* – *захотеть* в утвердительных предложениях приобретает дополнительную сему ‘начало действия’: «*Александр захотел отстоять* права и пошел в Роспотребнадзор, где написал заявление» (КП, 24.04.2013). В отрицательных предложениях значение смещается в сторону чисто видового, а значит, семантически сближается с глаголом *хотеть*. Ср.: «*Кто не захотел* это *сделать* или не успел, теперь должен по собственному желанию уйти со службы» (РГ, 19.08.2013).

В безличных предложениях модальное значение желательности реализуется с помощью безличных глагольных форм *хочется / хотелось, захочется / захотелось*, которые выражают значение произвольного желания. Например: «В заключении *хочется подчеркнуть*, что (...) исследование А. Бириха – решительный шаг во фразеографическую практику» (ВЯ № 6, с. 106); «Получить их [лицензии. – Е.М.] сейчас могут любые юридические лица, которым *захотелось освоить* новую нишу» (РГ, 10.03.2010).

Ближнюю периферию микрополя желательности формируют модальные глаголы *желать, стремиться, намереваться, пытаться, стараться, пробовать*, несобственно модальные глаголы *собираться, решить, мечтать*, а также глагольно-именные сочетания с лексемами *желание, попытка, намерение, решение*.

Дальняя периферия микрополя желательности представлена достаточно разнообразным составом лексических конstituентов: глаголами *готовиться/приготовиться, согласиться, предпочитать, думать, спешить, торопиться, надеяться, жаждать, соизволить*, глагольно-именными сочетаниями с лексемами *надежда, готовность*, предикативным существительным *охота*, предикативными наречиями *жалко, (не)приятно, желательно*, прилагательным *склонен*.

При этом общей особенностью периферийных конstituентов рассматриваемого микрополя является реализация конкретного частного значения желательности, невысокая частотность и относительно ограниченная сфера функционирования.

В третьей главе «**Функционально-семантическое поле ситуативной модальности в современном польском языке**», состоящей из трех параграфов, содержится анализ конstituентов микрополей возможности, необходимости и желательности, образующих план выражения данного поля в польском языке. В главе устанавливается иерархия средств выражения указанных микрополей, описываются особенности реализации конstituентов с учетом их функционально-стилистической специфики, проводится сопоставительный анализ средств выражения ситуативной модальности в русском и польском языках.

Первый параграф посвящен рассмотрению микрополя возможности, в качестве компонентов центральной зоны которого выступают модальные модификаторы: глагол *moć*, предикативы *można, nie można* в сочетании с зависимым инфинитивом.

Доминантой центральной зоны рассматриваемого микрополя является глагол *moć*, который этимологически соотносится с русским глаголом *мочь*, имея единый с ним праславянский корень **mokъ* (Sł. Brücknera; Сл. Фасмера), и обладает столь же емкой модальной семантикой, позволяющей ему выражать все частные значения возможности:

– ‘(не) иметь возможность выполнить действие’: «W 1912 roku *biolodzy* po raz pierwszy zobaczyli jądro ludzkiej komórki i *moгли sprawdzić*, ile chromosomów się tam chowa» (GW, 16.10.2012) = «имели возможность проверить в связи с наличием объективных обстоятельств»; «Przez kilka lat *nie mogliśmy się* do Coma Cogeca *zapisać*, ponieważ Serafin nas blokował» (Polityka, 25.07.2012) = «не имели возможности записаться в связи с наличием объективных обстоятельств»;

– ‘(не) иметь право выполнить действие’: «W sprawach wymienionych w § 1 *organizacje* pozarządowe w zakresie swoich zadań statutowych *mogą*, za zgodą osoby fizycznej wyrażoną na piśmie, *przystąpić* do niej w toczącym się postępowaniu» (DU, 10.09.2011) = «имеют право приступить»; «*Wielkość*

wynagrodzeń (...) *nie może przekroczyć* w 2012 r. wielkości wynagrodzeń zaplanowanych w ustawie budżetowej na rok 2011 z dnia 20 stycznia 2011 r.» (DU, 30.12.2011) = «не имеет права превысить»;

– ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’: «*Dużo może wybaczyć* [Cwietajewa. – E.M.] – zdradę, śmierć, kłamstwo, tylko nie brak miłości» (Acta13, s.72) = «в состоянии простить»; «*I ja nie mogę patrzeć*, jak oni wracają – wzdycha siostra» (GW, 03.02.2012) = «не в состоянии смотреть в силу психологического состояния»;

– ‘(не) иметь способность выполнить действие’: «Obama pokazał, że *Ameryka potrafi się zmienić, że może prowadzić inną politykę*» (Polityka, 27.06.2009) = «способна вести»; «*Jak się okazało Mistrale nie mogą pływać w niskich temperaturach*» (Wprost, 26.01.2013) = «не способны плавать».

Следует отметить, что реализация глаголом *móc* частных значений субъективной возможности нетипична для официально-деловых документов, поскольку данные тексты охватывают сферу правовых отношений, а значит, описывают внешние условия возможности или невозможности выполнения действия. В текстах данного стиля глагол *móc* наиболее частотно реализует частное значение ‘(не) иметь право выполнить действие’. Схожая ситуация наблюдается и при реализации рассматриваемого значения русским глаголом *мочь*.

В отличие от русского языка, в польском языке отсутствует видовая пара глагола *móc*. В качестве эквивалентов соответствующей видовой пары для выражения реализованной возможности (т.е. применительно к прошедшему времени) выступают модальные глаголы *potrafić, zdołać*, которые, в силу конкретности своей семантики, способствуют конкретизации выражаемого ими значения возможности. Для выражения нереализованной возможности (т.е. применительно к будущему времени) в качестве эквивалента русского глагола *смочь* в польском языке используется сложная форма будущего времени глагола *móc* (*będę mógł/mogła, będziemy mogli/mogły...*).

Высокой частотностью функционирования в рассматриваемом микрополе характеризуется предикатив *można*, совпадающий по своей модальной семантике с русским предикативом *можно*. При этом особенностью его функционирования является то, что он имеет соотносительную отрицательную форму *nie można*, в отличие от современного русского языка, где в качестве соответствующей бинарной оппозиции предикатива *можно* используется модальный предикатив *нельзя*.

Как и русские предикативы *можно, нельзя*, польские предикативы *można, nie można* реализуют частные значения объективной возможности ‘(не) иметь возможность выполнить действие’, ‘(не) иметь право выполнить действие’: «*Można tak wnioskować chociażby na podstawie analizy tekstu drugiego edyktu z Cyreny*» (Echa, s. 20) = «можно / есть возможность делать вывод»; «*Nie można jednak lekceważyć doświadczenia Danuty Hubner i jej osobistej pozycji*» (Polityka, 20.06.2009) = «нельзя / нет возможности пренебрегать»; «*Dzięki nowym przepisom ślub będzie można wziąć poza urzędem*» (Wprost, 25.07.2014) = «можно / вправе жениться»; «*Od 2014 roku nie będzie można uzyskać kredytu*»

hipotecznego, jeśli nie posiada się przynajmniej 5-procentowego wkładu własnego» (GW, 09.12.2013) = «нельзя / нет права получить кредит».

Ближняя периферия микрополя возможности в польском языке, как и в русском, формируется широким набором лексических и грамматических экспликаторов. К лексическим модификаторам относятся модальные глаголы *umieć, potrafić, dać się, udawać się/udać się*, предикативы *wolno, nie sposób, trudno, ciężko, lekko, łatwo*, глагольно-именные сочетания *być w stanie, mieć siłę*, глагольно-именные сочетания с лексемами *możliwość, prawo*, прилагательные *zdolny, gotów*. К грамматическим средствам выражения значения возможности мы относим отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, сложноподчиненные предложения цели, риторический вопрос, а также конструкцию ‘*być nie do* + отглагольное существительное’.

Дальняя периферия микрополя возможности в польском языке, как и в русском, представлена преимущественно лексическими модификаторами: модальными глаголами *ośmielić się, odważyć się, ważyć się, śmieć, pozwalać / pozwolić, dopuszczać, zdołać*, предикативом *niepodobna*, глагольно-именными сочетаниями с лексемами *szansa, podstawa, warunki, rozum, głowa, talent, wola*, глагольно-именными оборотами с устойчивым сочетанием *siła woli*, а также конструкциями с глаголом *mieć*. К немногочисленным грамматическим конститuentам относятся побудительные и инфинитивные предложения.

Во **втором параграфе** рассматривается микрополе необходимости, центральную зону которого образуют лексические модальные модификаторы: прилагательное *powinien*, глаголы *musieć, mieć*, предикатив *trzeba*.

Прилагательное *powinien* по своему семантическому объему и особенностям функционирования соотносится с русским прилагательным *должен*. Весьма частотно употребляясь во всех рассматриваемых нами функциональных стилях, в газетно-публицистических и научных текстах он, как правило, реализует значение долженствования, обусловленного общественно-социальными и нравственно-этическими нормами. Например: «*Być może powinni spuścić z tonu i rozważyć zarejestrowanie jakiegoś innego stowarzyszenia*» (Polityka, 27.06.2009) = «должны сбавить тон»; «*Opis sposobów realizacji określonego pojęcia nie powinien ograniczać się do aspektu słownikowego i rozpatrywania elementów języka w izolacji*» (Jednostki, s. 182) = «не должен ограничиваться».

В официально-деловых документах данный модификатор выступает как актуализатор значения долженствования с дополнительной модальной семой обязанности. Ср.: «*W piśmie pozwany powinien wskazać, czy zaskarża nakaz w całości, czy w części...*» (DU, 27.10.2010) = «должен/обязан указать»; «*Goście lub osoby odwiedzające i pracownicy nieprzeszkoleni nie powinni mieć w zasadzie wstępu do pomieszczeń produkcyjnych*» (DU, 14.03.2014) = «не должны/не обязаны иметь доступа».

Предикатив *trzeba*, семантически соотносящийся с русскими предикативами *надо, нужно*, регулярно реализуется в газетно-публицистических и научных текстах, актуализируя частное значение необходимости ‘(не) иметь потребность в выполнении действия’. Ср.: «*Trzeba bowiem pamiętać, że*

podobnego rozpoznania mógł wcześniej dokonać autor mistyfikacji, by wyprzedzić późniejsze działania kontrolne filologów-rewidentów» (Acta 13, s.121) = «нужно/надо помнить»; «Tam do papieża nikogo *nie trzeba dopuszczać*. Wystarczy spotkać go w przejściu i poprosić o rozmowę» (GW, 13.04.2013) = «не нужно/не надо подпускать».

Глагол *musieć*, регулярно реализуясь в текстах всех рассматриваемых нами функциональных стилей, способен передавать различные частные значения необходимости:

– ‘быть вынужденным выполнить действие’: «Prócz 10 tyś. kary *oskarżony musi wypłacić* 2 tyś. na Towarzystwo Opieki nad Zwierzętami» (Polityka, 04.02.2010) = «вынужден выполнить постановление суда и заплатить»; «Wykaz nauczycieli akademickich (...) ze wskazaniem nauczycieli akademickich zaliczonych do minimum kadrowego określonego w przepisach dotyczących warunków, jakie *muszą spełniać jednostki* organizacyjne uczelni, aby prowadzić studia na określonym kierunku i poziomie kształcenia» (DU, 26.08.2012) = «вынуждены выполнять условия, прописанные в положениях»;

– ‘быть обязанным выполнить действие’: «*Uczący* ma zawsze swoje własne wyobrażenia, jak dany tekst powinien zostać przetłumaczony, ale *musi być świadom* tego, że to nie jest jedyny (...) wariant tłumaczenia tekstu wyjściowego» (Prace jęz. 10, s.43) = «обязан осознавать»; «Znany biznesmen pożyczył mu pół miliona euro (...), co Wulff zataił przed lądowym parlamentem. Inni gościli go w swoich posiadłościach (...). *Nie musiał też płacić* pełnej ceny za bilety klasy biznes, gdy leciał do USA, ani za noclegi w hotelach» (GW, 13.04.2013) = «не обязан был платить»;

– ‘неизбежность выполнения действия, связанная с наличием неотвратимых обстоятельств’: «– Nie wiem, czy odbędzie się spotkanie pana premiera, ale na pewno jakieś decyzje w tej sprawie zapadną, bo *muszą zapaść*» (RP, 04.06.2011) = «в любом случае, неизбежно будут приняты решения»; «Analitycy twierdzą, że jeśli *PKO BP* zaczęłoby od wypłacenia dywidendy, potencjalni nabywcy nowych akcji doskonale wiedzieliby, że jest pod presją, *musi zwiększyć* swój kapitał» (Polityka, 27.06.2009) = «должен (неизбежно) увеличить капитал, поскольку находится под давлением».

Польский несобственно модальный глагол *mieć*, восходящий к прасл. *jьmą (Сл. Фасмера), имеет соответствие в русском языке – глагол *иметь*. Функционируя как самостоятельный глагол со значением ‘иметь’, в сочетании с инфинитивом он приобретает функцию экспликатора модального значения необходимости и наиболее регулярно выражает частное значение субъективно-объективной необходимости – ‘долженствование’, реализуясь преимущественно в газетно-публицистических текстах. Ср.: «*Macie grać* do orogu, zdzierać piłki, dresy i buty» (Wprost, 18.02.2010) = «должны играть»; «Najmłodszy niemiecki *prezydent* (ledwie 50 lat) *miał tchnąć* w urząd nowe życie» (GW, 13.04.2013) = «должен был вдохнуть новую жизнь».

Ближнюю периферию микрополя необходимости формирует разнообразный состав лексических конститuentов: модальные глаголы *należy*, *potrzebować*, предикатив *warto*, страдательные причастия *zmuszony*,

(z)*obowiązany*, прилагательное *konieczny*, глагольно-именные сочетания с лексемами *konieczność*, *obowiązek*, *potrzeba*.

Дальнюю периферию микрополя необходимости в основном образуют лексические модификаторы: безличные формы глаголов *zalecać się – zaleca się*, *wypadać – wypada*, *godzić się – godzi się*, страдательное причастие *wskazany*, предикативное прилагательное *winię*, адвербиализованные существительные *czas*, *pora*, глагольно-именные сочетания с существительным *sens*, глагольные конструкции с глаголом *mieć*. К немногочисленным грамматическим средствам выражения значения необходимости мы относим конструкции с двойным отрицанием и инфинитивные предложения, ограниченность употребления которых в рассматриваемом микрополе современного польского языка связана с общей ограниченностью функционирования инфинитивных конструкций в польском языке как характерной чертой польского синтаксиса.

Третий параграф посвящен описанию микрополя желательности, в центральную зону которого входят модальный глагол *chcieć*, его префиксальный дериват *zechcieć* и безличные формы *chcieć się*, *zechcieć się*, *zachcieć się/zachciewać się*.

Глагол *chcieć*, этимологически родственный русскому глаголу *хотеть* (восходят к прасл. *chъtĕti ‘хотеть, желать’ – Сл. Фасмера), соотносится с ним по модальной семантике, сфере функционирования и реализует все частные значения желательности:

– ‘иметь желание выполнить действие’: «Na podstawie tych przykładów *chcę ukazać różnorodność możliwych wariantów tłumaczeń poszczególnych passusów tekstów*» (Prace jęz.10, s.41) = «хочу показать»; «*Były prezydent chce być obecny na ceremonii otwarcia, a jego wnuk Mandla – że woli pozostać w domu*» (GW, 12.04.2013) = «хочет присутствовать»;

– ‘иметь стремление выполнить действие’: «*PiS bardzo chce dalej być popularny*» (Wprost, 17.04.2010) = «очень хочет/стремится быть популярным»; «*Wcześniej w wywiadzie dla magazynu „People” zapewniała, że bardzo chce żyć*» (GW, 10.10.2014) = «очень хочет/стремится жить»;

– ‘иметь намерение выполнить действие’: «*I w tym momencie mąż chce opuścić swoją żonę – dochodzi bowiem do wniosku, iż całe życie było kłamstwem*» (Acta 13, s. 172) = «хочет/имеет намерение оставить»; «*Chcemy uprawnić zarządzanie naszą parią na poziomie regionalnym*» (Polityka, 06.04.2010) = «мы хотим/имеем намерение уполномочить»;

– ‘пытаться выполнить действие’: «*W wielu wywiadach reżyser podkreślał, iż chciał zrobić spektakl nie tyle o prostytutkach, ile o ludziach i o tym, by jeden człowiek „nie gasił gwiazdy” w duszy drugiego człowieka*» (Acta 13, s. 173) = «хотел/пытался сделать спектакль»; «*Sobiesiak chciał otworzyć tam salon gier. Reporterzy „Teraz my!” TVN ujawnili, że Rosół interweniował w tej sprawie u swojego partyjnego kolegi*» (Wprost, 08.04.2010) = «хотел/пытался открыть салон».

При употреблении глагола *chcieć* с отрицанием дифференциация частных значений желательности нейтрализуется и реализацию получает обобщенное

значение 'не иметь желания выполнить действие'. Ср.: «*Inka i Zdzisław Forysca mieszkają w Sopcie (...). Próbowano namawiać ich do wywiadów, ale odmawiali. Nie chcieli dzielić się bólem z innymi*» (Wprost, 17.04.2010) = «не хотели делиться болью»; «*Nie chciał mieć kontaktów z nami – współczesnymi, ale to nie znaczy, że my nie powinniśmy się o nie starać*» (RP, 20.03.2013) = «не хотел иметь контактов».

Модификатор *zechcieć*, так же, как и русский модификатор *захотеть*, в утвердительных предложениях часто имеет начинательное значение, а в отрицательных предложениях его значение смещается в сторону чисто видового. Например: «*W Teheranie objął nowy prezydent Hasan Rouhani, wielu ekspertów wypowiadało się o nim w tonie ostrożnego optymizmu, jako o reformatorze, który – kto wie – może nawet zechce ocieplić stosunki Iranu z Zachodem*» (RP, 15.11.2013) = «захочет улучшить отношения»; «*Proszę mi wierzyć, że nie było żadnych perspektyw dla kogoś, kto nie zechciał pracować w jednej z tych firm*» (RP, 27.09.2013) = «не захотел работать».

Конструкции с безличными глагольными формами *chcieć się, zechcieć się, zachcieć się/zachciewać się* зафиксированы нами в газетно-публицистических и, реже, – научных текстах. Например: «*Jak wytłumaczyć, że podejmując konkretną decyzję (...) nie działa się przeciw społeczeństwu, kocha się kraj, nawet jeśli chce się rozmawiać z Rosją?*» (Polityka, 06.04.2010) = «хочется разговаривать»; «*Zgodnie z zapisami dokumentu, kto inny ma reprezentować Unię przy podpisywaniu umów handlowych z państwem trzecim, kto inny ma grozić palcem Rosji, gdy tej zachce się „wspierać dążenia wolnościowe” Abchazji...*» (Wprost, 05.07.2011) = «захочется поддерживать».

Периферия микрополя желательности образуется достаточно широким и разнообразным составом лексических конститuentов.

К зоне ближней периферии относятся модальные глаголы *pragnąć, życzyć, starać się, próbować, usiłować, dążyć, zamierzać, postanowić, marzyć*, глагольно-именные сочетания с лексемами *próba, zamiar, decyzja, chęć, ochota*.

Дальнюю периферию микрополя желательности формируют глаголы *zgodzić się, myśleć, woleć, przygotowywać się, spodziewać się, spieszyć (się), raczyć, kwapić się*, глагольно-именные сочетания с лексемами *nadzieja, gotowość*, предикативы *żal, szkoda, (nie)przyjemnie, (nie)miło, przykro*, прилагательное *skłonny*, страдательное причастие *pożądany*.

Модальная специализация экспликаторов периферии микрополя желательности заключается в актуализации ими какого-либо определенного частного значения, что ограничивает сферу их функционирования. При этом в текстах официально-делового стиля средства выражения желательности представлены лишь единичными экспликаторами, что связано с повышенной субъективностью данного значения, не характерной для соответствующих текстов.

В **заключении** излагаются основные результаты проведенного исследования.

Функционально-семантическое поле ситуативной модальности, раскрывающей связь высказывания с внеязыковой действительностью через

отношения субъекта действия и действия с точки зрения «положения дел» относительно наличия или отсутствия ситуации возможности, необходимости, желательности действия, формируется соответствующими микрополями, имеющими план содержания и план выражения.

Проведенный анализ показал, что план содержания микрополей возможности, желательности и необходимости, представленный широким комплексом частных модальных значений, находит адекватное отражение в плане выражения данных микрополей как в русском, так и в польском языках, эксплицируясь посредством лексических и грамматических модификаторов.

При этом конstituенты центральной зоны микрополей ситуативной модальности в современных русском и польском языках, представленные лексическими модификаторами (модальными глаголами и предикативами), относящимися к древнейшим пластам лексики (например, *мочь – móc, должен – powinien, хотеть – chcieć*), характеризуются емкостью модальной семантики, что позволяет им актуализировать весь спектр частных модальных значений, а их стилистическая немаркированность обеспечивает высокую частотность употребления в текстах всех рассмотренных нами функциональных стилей.

Общим для современных русского и польского языков является и то, что периферийную зону микрополей также формируют преимущественно лексические модификаторы (глаголы, предикативы и глагольно-именные сочетания), актуализирующие, как правило, определенные частные значения возможности, необходимости и желательности. При этом большинство периферийных конstituентов микрополей ситуативной модальности в силу конкретности их модальной семантики или стилистической маркированности зафиксировано нами в текстах определенных функциональных стилей.

Как в русском, так и в польском языках экспликация модальных значений обеспечивается наиболее широким набором конstituентов в газетно-публицистических текстах, для которых свойственно разнообразие лексического материала и отсутствие стилистических ограничений.

Типологическая общность плана выражения микрополей ситуативной модальности в русском и польском языках не исключает, однако, специфических черт в выражении значений возможности, необходимости и желательности, что, в частности, проявляется в составе, грамматических особенностях и функционально-стилистической сфере реализации периферийных компонентов ситуативной модальности.

Так, важной особенностью плана выражения микрополей ситуативной модальности является наличие безэквивалентных лексических конstituентов в современных русском и польском языках. К числу особенностей микрополей ситуативной модальности в русском языке относится более регулярное, по сравнению с польским языком, функционирование грамматических модальных модификаторов, примером чему могут служить предложения с глаголами совершенного вида в форме 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения, являющиеся специфическими для русского языка, а также предложения с независимым инфинитивом, ограниченность употреб-

ления которых в рассматриваемых микрополях современного польского языка связана с общей ограниченностью функционирования инфинитивных конструкций в данном языке.

Ряд лексических модальных конститuentов микрополей ситуативной модальности современных русского и польского языков, имеющих генетическое родство, обнаруживает различия в семантическом объеме или функционально-стилистической сфере реализации. Это относится, например, к несобственно модальным глаголам *иметь* и *mieć*, способным в сочетании с зависимым инфинитивом выполнять роль модальных экспликаторов частных значений необходимости: если глагол *иметь* в данной функции выступает весьма редко в текстах официально-делового стиля и занимает в соответствующем микрополе периферийную позицию, то *mieć*, напротив, входит в число частотных модальных модификаторов и находится в центральной зоне микрополя. Польский модальный глагол *umieć* имеет более емкий семантический объем, чем его русский аналог *уметь*, и, в зависимости от речевой ситуации, является эквивалентным русским глаголам *уметь*, *мочь*, *знать*; безличный глагол *godzi się* является стилистически нейтральным, в то время как русский глагол *godится* характеризуется стилистической маркированностью, употребляется нерегулярно и преимущественно в отрицательной форме.

Анализ показал, что семантическая эквивалентность конститuentов ситуативной модальности в русском и польском языках не всегда подразумевает их функциональную эквивалентность. Так, например, польский модификатор *niepodobna* 'невозможно, нельзя' (БПРС) находится на дальней периферии микрополя возможности в силу нерегулярного функционирования, а его семантические эквиваленты в русском языке, а именно центральный модификатор *нельзя* и ближнепериферийный модификатор *невозможно* являются гораздо более продуктивными. Безличный глагол *надлежит* в русском языке в семантическом отношении соотносится с польским безличным глаголом *należy* 'следует, надлежит' (БПРС). Однако модификатор *надлежит* имеет отчетливо выраженный книжный оттенок, вследствие чего частотно употребляется в официально-деловых документах, а у глагола *należy* этот оттенок проявляется менее интенсивно, что позволяет данному модификатору реализовываться в текстах всех функциональных стилей.

Проведенный анализ подтвердил отмечаемую исследователями такую существенную особенность функционально-семантического поля ситуативной модальности, как взаимопроникаемость его микрополей, проявляющуюся в способности ряда модальных модификаторов актуализировать совмещенные значения возможности / желательности, необходимости / желательности, возможности / необходимости. Таким свойством межполевой «миграционной активности» характеризуются некоторые модификаторы центральной зоны (например, глаголы *мочь* и *тóс*, в ряде случаев выступающие в качестве актуализаторов совмещенного значения возможности / необходимости) и особенно периферийные лексические конститuentы рассматриваемых микрополей: например, прилагательное *готов*, глаголы *удаваться/удаться* в русском языке и прилагательное *gotów*, глаголы *udawać się/udać się* в польском, выра-

жающие совмещенное значение возможности / желательности, безличный глагол *рекомендуется*, предикатив *желательно* в русском языке и глагол *potrzebować*, безличный глагол *zaleca się* в польском, реализующие совмещенное значение необходимости / желательности.

Основные положения диссертации отражены в четырнадцати публикациях автора общим объемом 6,06 п.л.:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

1. *Магдалинская Е.Н.* Экспликативные модальные значения необходимости в русском и польском языках (на материале научных текстов) // Вестник ВолГУ. № 2 (14), Серия 2, Языкознание. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. С. 192-196 (0,47 п.л.).

2. *Ваулина С.С., Магдалинская Е.Н.* Модальное микрополе необходимости в официально-деловых документах русского и польского языков // Вестник БФУ им. И. Канта, Вып. № 8. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С.12-17 (0,4 п.л.).

3. *Магдалинская Е.Н.* Лексические средства выражения модального значения возможности в официально-деловых документах русского и польского языков // Вестник ТвГУ. № 21, Филология, Вып. 3. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2012. С. 263-268 (0,5 п.л.).

4. *Магдалинская Е.Н.* Грамматические средства выражения модального значения возможности в русском и польском языках // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук) № 1 (40), Т. 2. М.: Изд-во «СамПолиграфист», 2014. С. 222-227 (0,45 п.л.).

5. *Ваулина С.С., Магдалинская Е.Н.* Глаголы *мочь* и *тóс* как ядерные конститuentы модальных микрополей возможности в русском и польском языках // Вестник БФУ им. И. Канта, Вып. № 8. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. С. 7-12 (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

6. *Магдалинская Е.Н.* Структурно-функциональная организация микрополя возможности в языке русских и польских газет (сравнительный анализ) // Язык – образование – культура – общество: от идеи к реализации: материалы III межвузовской научно-практической конференции. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2010. С. 190-196 (0,34 п.л.).

7. *Магдалинская Е.Н.* Ядерные конститuentы микрополя необходимости в русском и польском языках (на материале газет) // Казанская наука, № 2. Казань: Казанский издательский дом, 2010. С.318-321 (0,25 п.л.).

8. *Магдалинская Е.Н.* Функционирование ядерных экспликативных модального значения желательности в русской и польской прессе // Модальность как семантическая универсалия: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2010. С.301-307 (0,4 п.л.).

9. *Магдалинская Е.Н.* Ядерные экспликативы модального значения возможности в русском и польском научном тексте // Семантические процессы в языке и речи. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С.86-93 (0,4 п.л.).
10. *Ткаченко А.И., Магдалинская Е.Н.* Текстобразующая роль модального микрополя необходимости в газетно-публицистическом дискурсе (на материале русских и польских газет) // Acta Polono-Ruthenica XVI. Olsztyn: Wyd. UWM, 2011. С.447-454 (0,5 п.л.).
11. *Магдалинская Е.Н.* Ядерные экспликативы модального микрополя желательности в русском и польском научных текстах // Стратегии исследования языковых единиц. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2012. С.94-98 (0,35 п.л.).
12. *Ваулина С.С., Магдалинская Е.Н.* Модальное микрополе возможности в русском и польском языках // Heteroglossia. Bydgoszcz, 2013. № 3. С. 81-91 (0,7 п.л.).
13. *Магдалинская Е.Н.* Особенности функционирования модальных экспликативов значения необходимости в русском и польском языках // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в ВУЗе. В 2 т. Т. 2. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2014. С. 162-170 (0,6 п.л.).
14. *Ваулина С.С., Магдалинская Е.Н.* Грамматические единицы как компоненты модального микрополя необходимости (на материале русского и польского языков) // Международный научно-исследовательский журнал, № 7 (26). Екатеринбург: Изд-во «Компания Полиграфист», 2014. С. 81-83 (0,3 п.л.).

Магдалинская Екатерина Николаевна

Ситуативная модальность
как функционально-семантическая полевая структура
(на материале современных русского и польского языков)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 12.02.2015 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5
Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 90 экз. Заказ 015

Отпечатано полиграфическим отделом
Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6